

Судьба родной матери Ли Хун Юаня (1)

Ли Хун Юань покинул императорский дворец, но в карету не сел. Он вышел сегодня именно для того, чтобы покрасоваться. Независимо от того, нуждался он в этом или нет, евнух Му уже очень предусмотрительно позволил стражнику привести его коня. Конечно же, Ли Хун Юань сразу взял поводья и похлопал лошадь по шее. Шкура у этого драгоценного рыжевато-коричневого коня была очень блестящей и совершенно однотонной по окрасу — ни единого чужеродного пятнышка! Он был плотным и сильным, а его длинные тонкие ноги — мощными. Из-за действий Ли Хун Юаня он дважды тихо фыркнул и повернул голову, чтобы потереться о его руку. Глядя на эту лошадь, которую он растил уже несколько лет, Ли Хун Юань — какая редкость для него! — смягчился:

— Я уже очень давно не позволял тебе нормально побегать. Сегодня ты сможешь бежать, сколько душе угодно.

Как только евнух Му услышал это, то сразу понял, что его хозяин снова собирается устроить какую-то неприятность, так что лучше пусть отряд обороны города подготовится пораньше.

Ли Хун Юань ловко вскочил на лошадь, выглядевшую исключительно покладистой. Со стороны не было ни в малейшей степени заметно, что на его теле все еще есть раны.

Он сказал, что собирается ехать на лошади, не сдерживаясь, позволяя своему драгоценному коню скакать, сколько душе угодно. Как его охранники, они, естественно, должны последовать за ним. Таким образом, даже зная, что после этого им, скорее всего, придется отправиться в тюрьму Цзиньчао фу, чтобы отсидеть там несколько дней, они все равно заставили себя последовать за ним. Работая на такого господина, они уже давно имели решимость, как попадать под клинки, так и сидеть на корточках в тюрьмах.

Поскольку их хозяин уже ушел, церемониальная процессия, естественно, могла только вернуться домой.

Если говорить о навыках верховой езды Ли Хун Юаня, то они, само собой, были превосходны. В своей прошлой жизни он провел много лет на поле боя. По какой тропе он не ступал раньше? Даже в центре города он был уверен, что не столкнется ни с кем, не говоря уже об окрестностях императорского дворца, где на нескольких улицах не встретишь ни одного простолудина. Однако в обычных обстоятельствах, несмотря на людскую малочисленность, как только кто-то появлялся, по большей части, это всегда была целая толпа. Даже обычных чиновников сопровождало, по меньшей мере, от трех до пяти слуг, поэтому, разумеется, не стоило даже упоминать тех людей, которые имели статус, подобный статусу Ли Хун Юаня.

Например, приблизившись к процессии Кан циньвана, Ли Хун Юань просто сделал вид, что ничего не видит. Не говоря уже о том, чтобы замедлить лошадь, он даже увеличил скорость, бросившись прямо на экипаж. Кучер всерьез испугался и бессознательно натянул левую вожжу. Лошади, тянувшие карету, естественно, отклонились влево. Животные, по-видимому, тоже перепугались, и экипаж сильно трянуло и почти опрокинуло. И Ли Хун Юань,

ехавший верхом, просто просвистел мимо правой стороны кареты, в то время как стражники позади него не жалели усилий, чтобы преследовать его.

Внушительная и величественная процессия циньвана была рассеяна и оставлена в хаосе.

Внутри кареты Ли Хун И несколько раз подряд ударился о внутренние стенки, так что, естественно, его гнев был нешуточным. Когда карета, наконец, выровнялась, он отпустил внутреннюю горизонтальную перекладину и в ярости вскочил на ноги, раздвигая занавески.

— Кто обожрался медвежьими сердцами и желчью леопардов, что осмелился столкнуться с каретой этого принца? Кто? Кто это был? — не видя главного виновника, он добавил: — Кучка бесполезных вещей! Столько людей, но все же не смогли остановить другую сторону, какой смысл этому принцу растить вас всех?

Все быстро опустились на колени, моля о пощаде.

— Господин, пожалуйста, утихомирьте свой гнев, это был...

Кан циньван не стал дожидаться объяснений. Он спрыгнул с кареты и отшвырнул в сторону ближайшего человека:

— Бесполезность, говори, кто это был?

— Это был Цзинь циньван, — быстро ответил слегка дрожащим голосом близкий слуга Кан циньвана. Он не посмел колебаться ни секунды, боясь, что если заговорит слишком медленно, то снова вызовет его гнев. Но этот ответ тоже мог усилить гнев хозяина в десять или даже в сто раз, но он не осмеливался лгать.

И, действительно, в этот момент цвет лица Ли Хун И можно было сравнить с подгоревшим дном горшка. Из-за напряжения вены на тыльной стороне его рук, шее и даже на лбу пульсировали.

— Ли Хун Юань, Ли Хун Юань... — он с трудом выдавил эти слова из щелей между зубами. Он, правда, ненавидел то, что не мог съесть его плоть, выпить его кровь и сгрызть его кости. — Вернемся, каждый получит по пятьдесят плетей. Идем...

Как бы он ни злился, как бы ни ненавидел, он ничего не мог с ним сделать. Дело не в том, что он не осмеливался, а скорее просто не мог, потому что выдержит он это, то все может на этом и закончиться. Но если он отомстит в ответ, то эта сволочь просто вцепится в него и не отпустит, как бешеная собака. В конце концов, это встревожит императорского отца, и пострадавшим в итоге никогда не будет Ли Хун Юань. Это была самая удручающая часть.

Узнав, что император Лэчэн находится во дворце Юйцуй, Кан циньван направился прямо к императрице во дворец Земного Спокойствия [1].

Грациозная и великодушная императрица, видя, что Ли Хун И раздражен, подняла бровь. Этот ее сын, хотя иногда бывал немного груб и импульсивен, все же не такой бесхарактерный. Его появление прямо сейчас, говоря более строго, было просто нарушением этикета.

— Что случилось на этот раз?

Гнев Кан циньвана, естественно, не утих так быстро. Кипя эмоциями, он изложил всю ситуацию.

Императрица замолчала, сделала несколько вздохов, но кроме этого, у нее фактически не было никаких других реакций:

— Это далеко не в первый раз, но каждый раз ты так реагируешь. Даже если заболеешь от гнева, он все равно будет жить свободно и неторопливо, как и раньше, не понеся никакого ущерба. Ладно, быстро успокойся немного. У тебя такой вид, что у этой императрицы разболелась голова. В будущем, если снова столкнешься с чем-то подобным, просто отнесись к этому, как к укусу собаки. Если собака кусается, не думай о том, чтобы укусить ее в ответ.

Ли Хун И подумал про себя: если собака кусается, естественно, он не будет кусаться в ответ. Скорее всего, просто разрубит наглухую животину на куски.

Как мог так легко утихнуть этот гнев? Но Ли Хун И не осмеливался послушаться своей императорской матери и мог только силой подавить эмоции.

Императрица равнодушно взглянула на него:

— Сколько бы ты сейчас ни суетился, все это бесполезно. До тех пор, пока ты можешь стать окончательным победителем, независимо от того, сколько унижений ты перенес, ты всегда компенсируешь их десяти- или даже стократно. Что плохого в том, чтобы позволить ему быть самодовольным сейчас? То, чего я хочу, — это конечный результат, и в этом процессе все вопросы, которые не связаны с общей схемой, даже если он, Ли Хун Юань, наступит кому-то на голову и нагадит, ты должен терпеть.

— Мухоу, вы же императрица, мать страны. Зачем заходить так далеко?

— Ты знаешь, почему мухоу, несмотря на то, что я явно не по нраву твоему императорскому отцу, все еще может твердо сидеть на троне императрицы? Потому что я способна терпеть. Способна вытерпеть твоего императорского отца, Су-Ши и всех императорских наложниц гарема, — когда императрица высказала это, она сделала паузу. По-видимому, думая о чем-то еще, она продолжила: — Влияние герцогской резиденции Дин слишком велико. Причина, по которой она не пала до того же состояния, что и маркизат Уань, заключается не в том, что несколько поколений императоров были исключительно щедры к герцогской резиденции Дин, а скорее в том, что за ней стоят благородные семьи [2]. Обладая толстым фундаментом, весь клан Сунь имеет глубокие корни. Выкорчевать их подчистую определенно нелегкая задача.

Для герцогской резиденции сегодня уже нет возможности отступить. Дело не только в том, что твой дядя по моей линии с сотоварищами не желают отказываться от этого безмерного богатства и чести, но, скорее, как только мы отступим, мы станем следующим маркизатом Уань. Хотя чем больше влияние, тем осторожнее становится твой императорский отец, все же, только имея в руках великую силу, мы сможем сохранить герцогскую резиденцию Дин.

Твой императорский отец не позволит семье этой императрицы расти в одиночку, но в то же время и не позволит Су-Ши контролировать внутренний дворец. Здесь он нуждается в равновесии. Это также еще одна причина, по которой мухоу может устойчиво сидеть в положении императрицы.

Все в мире думают, что эта императрица и Су-Ши сражаются до победного конца, как огонь и вода. На первый взгляд мы равны друг другу. Если не западный ветер подавляет восточный, то восточный подавляет западный, всегда есть победитель и проигравший. Разве это может быть настолько шаблонным совпадением? Сражаясь, наступая и отступая, все еще настали бы времена, когда человек был бы сыт по горло, но за эти двадцать с лишним лет не было остановок. Как ты думаешь, почему? Потому, что твой императорский отец хочет, чтобы мы сражались. Не смотри на то, что наши драки злят его. На самом деле, чем яростнее борьба, тем спокойнее он себя чувствует. Если однажды мухоу больше не захочет воевать, то, вероятно, мне, действительно, придется войти в Холодный дворец.

Кан циньван слушал, как императрица так небрежно рассказывает обо всем этом, но он мог представить себе всю эту подковерную трудную борьбу. Губы Ли Хун И зашевелились, но, в конце концов, он ничего не сказал. Есть вещи, о которых не стоит говорить слишком много.

— Мухоу, а как же тогда Ли Хун Юань? Почему императорский отец может так потакать ему?

— Естественно, это из-за его родной матери. Тогдашняя императорская благородная супруга, та, что по-настоящему могла называться цветком, полным изящества, несравненная красавица страны. Положение этой женщины в сердце твоего императорского отца — это то, что даже все женщины в гареме, вместе взятые, не смогут превзойти. Су-Ши в течение стольких лет смогла оставаться здесь самой любимой, но так и не заменила ее.

— Как она умерла?

— По слухам, это произошло из-за кровотечения после тяжелых родов.

— По слухам? — эта фраза, конечно, звучала несколько таинственно.

Императрица молча кивнула.

В этом случае, скорее всего, были проблемы

— Снисходительность императорского отца к шестому брату практически безгранична. Остальные сражаются, как драконы и тигры, разве, в конце концов, императорский отец не передаст трон ему? Все мы — лишь мишени, воздвигнутые для него императорским отцом? — как только он подумал об этой возможности, порочная аура Ли Хун И стала плотнее, чем даже у Ли Хун Юаня.

— Мой сын слишком много думает. Правитель без власти и влияния, на основании чего он сможет сесть на трон? Разве не станет он в таком случае однодневным императором?

— Если у императорского отца есть такое намерение, он, естественно, проложит ему дорогу.

— Проложит дорогу? Как он будет прокладывать дорогу? Убьет всех остальных сыновей, а также всех людей, стоящих за ними? Неважно, есть ли у твоего императорского отца такое мужество. Даже если он, действительно, осмелится это сделать, как ты думаешь, сколько людей, в конце концов, останется? В то же время, он неизбежно приведет мир к хаосу, и, боюсь, эта страна... — невысказанные слова были поняты без слов.

— Если это невозможно сделать в открытую, разве он не может тайно готовить людей?

Императрица взглянула на собственного сына. На мгновение лицо Ли Хун И стало обжигающе горячим. Хотя его мать ничего не сказала, но во взгляде у нее явно читалось: "идиот".

— Дело не в том, что эта императрица смотрит свысока на твоего императорского отца, а в том, что он... тайно обучить небольшое количество людей все еще возможно, но чтобы иметь возможность взрастить достаточно, чтобы поддерживать весь императорский двор и всю Ци Юань... — императрица рассмеялась. В этой улыбке было даже что-то презрительное и оскорбительное.

[1] Дворец земного спокойствия Куньнингун был построен в 1420 году и служил резиденцией императрицы во времена династии Мин. В 1655 году при династии Цин зал был перестроен как копия Дворца Мира и Спокойствия (Циннингун) в Шэньяне провинции Ляонин. В 1798 году дворец снова реконструировали.

[2] 府 (шицзя) — дома (поколения) крупных феодалов (или чиновников); известный род; владетельный (родовитый) дом

Это понятие относится не только к аристократическим семьям с дворянскими титулами вообще, но и к престижным семьям, которые были известны на протяжении многих поколений.